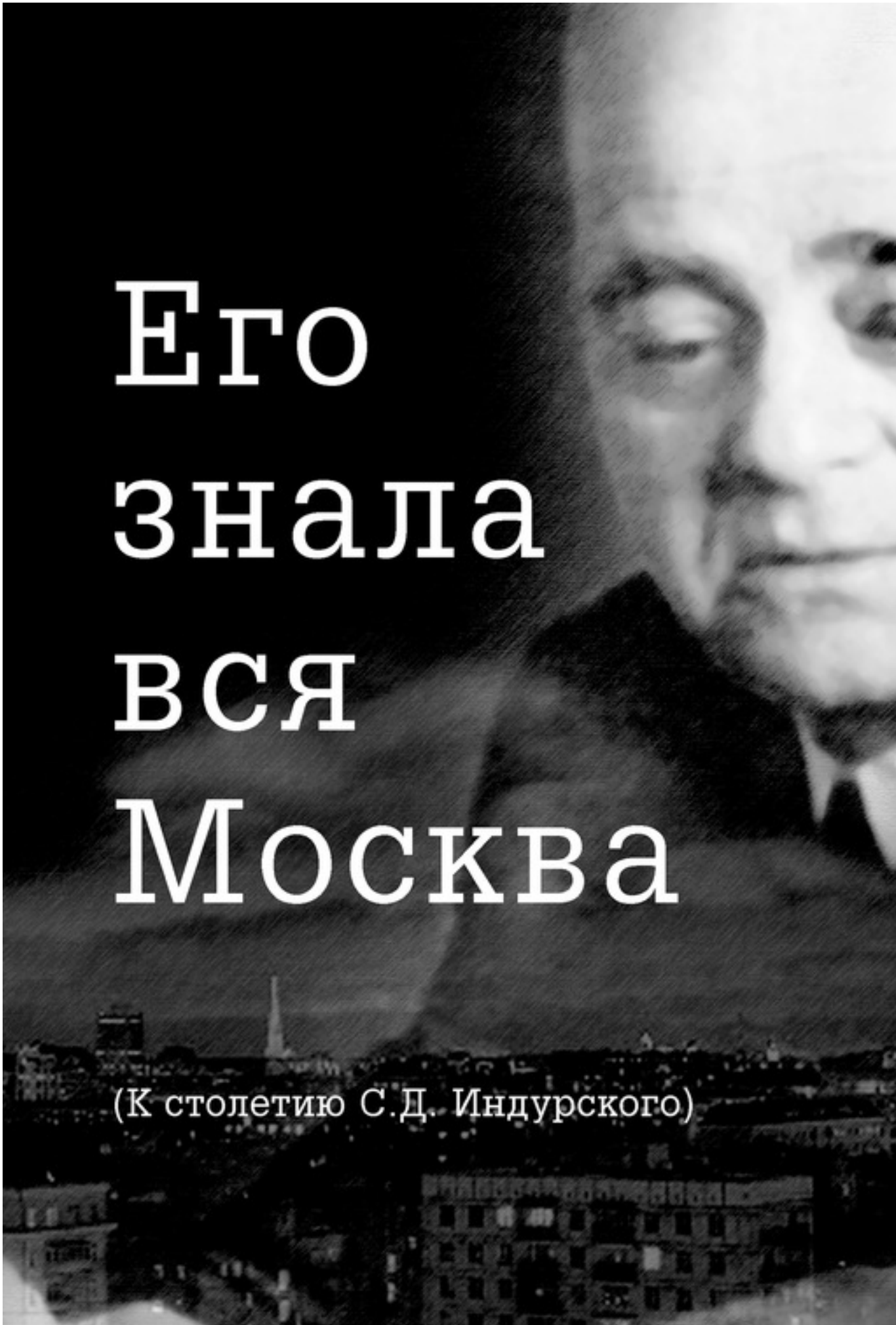

Его знала вся Москва

(К столетию С.Д. Индурского)

Евгений Сидоров

Его знала вся Москва. К столетию С. Д. Индурского

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16044042
Его знала вся Москва.: Пробел-2000; Москва; 2012
ISBN 978-5-98604-287-9

Аннотация

…Вместе с Индурским ушла в небытие и эпоха старой «Вечерки». Перечитывая сегодня отрывки из его книжки «Газета выходит вечером», погружаемся в мир стремительно ушедших тем, забот, интересов рядовых москвичей, подписчиков и читателей, так и не ставших жителями города «коммунистического будущего». Политики в газете было мало, зато много информации, быта, спорта, культуры. Быстро устаревшие проблемы кажутся ныне наивными. Но это была жизнь нашего города, и поэтому заслуживает хотя бы архивного, исторического внимания.

Память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Круто меняются времена. Пришла эпоха интернета. Уходят люди. Но вот уже почти четверть века 15 января у могилы Семена Давыдовича Индурского на Преображенском кладбище собираются те, кто работал с ним в «Вечерней Москве». Выпивают горькое вино, закусывают и вспоминают. Среди них и люди нового поколения из старой столичной газеты.

Скромная книжка, которая перед Вами, – дань памяти человека, которого знала вся Москва.

Содержание

От составителя 4
О нем вспоминают коллеги 6
Слово об индурском 6
Квартира на Абельмановке 7
А начинал курьером… 11
Классик вечерних новостей 16
Семен и его команда 18
«Период Индурского» 20
Он любил своих сотрудников 21
Каким был мой дед 22
Из книг С.Д. Индурского 23
Газета выходит вечером 23
Публицистика фактов 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Его знала вся Москва (К столетию С.Д. Индурского)

От составителя

С Индурским я впервые встретился и познакомился в самом начале семидесятых. Кажется странным, что, работая в «Московском комсомольце» в одном здании с «Вечерней Москвой» на Чистых прудах, я никогда не видел его. До тех пор, пока не женился на его дочери.

«Вечерка» была высоко, на шестом этаже. Мы работали на втором и мало интересовались партийной печатью. Шли последние годы хрущевской оттепели, мы были молодые, левые, а Семен Давыдович Индурский избирался делегатом партсъездов, был членом горкома партии, откуда нам постоянно грозили выговорами и замечаниями. Журналисты «МК» были бедные, но гордые, задирали нос, гордились своим раскованным, фирменным стилем и мечтали о социализме с человеческим лицом. Наш редактор Леша Флеровский точно отражал этот тип журналиста-шестидесятника.

В одном Алексей Иванович, будучи опытным газетчиком, тайно завидовал «Вечерке». Ее оперативной, информационной насыщенности. Много раз он пенял мне, как заведующему отделом литературы и искусства, приводя в пример знаменитого репортера Всеволода Васильевича Шевцова, который был вхож во все театры и творческие салоны Москвы.

Индурский руководил газетой более двадцати лет. Это абсолютный рекорд советского редакторского долголетия.

Нынешняя вечерняя Москва с ее показной и безвкусной роскошью и затаенной нищетой не похожа на нашу столицу двадцатипятилетней давности. Вместе с Индурским ушла в небытие и эпоха старой «Вечерки». Перечитывая сегодня отрывки из его книжки «Газета выходит вечером», погружаемся в мир стремительно ушедших тем, забот, интересов рядовых москвичей, подписчиков и читателей, так и не ставших жителями города «коммунистического будущего». Политики в газете было мало, зато много информации, быта, спорта, культуры. Быстро устаревшие проблемы кажутся ныне наивными. Но это была жизнь нашего города, и поэтому заслуживает хотя бы архивного, исторического внимания.

Газету уважала творческая интеллигенция, ведущие спортсмены и тренеры. Когда надо было уговорить коренного динамовца К.И. Бескова перейти в «Спартак», чтобы вытащить после небывалого провала знаменитую команду из первой в высшую лигу, к строптивому футбольному маэстро отправился Индурский по просьбе московских властей. И ведь сдался Бесков, принял и возродил «Спартак» на радость болельщикам и начальству, чьи интересы на время абсолютно совпали.

Индурский спешил делать добро и помогал многим людям. Об этом осталось немало устных и письменных свидетельств. Особенно он заботился о сотрудниках «Вечерки» – квартиры, путевки, детские сады и лагеря – здесь он был неутомимый и весьма успешный ходатай.

Хорошо помню негласное участие Семена Давыдовича в назначении главным редактором «Московского комсомольца» Павла Гусева, бывшего студента моего семинара в Литературном институте. И ведь точный выбор! «МК», несмотря на всякого рода политические перемены, на долгие годы сохранил и умножил свою популярность.

В быту Семен Давыдович был обаятельным, совершенно нечиновным человеком. Никогда не слышал от него ортодоксальных, официозных речений. Партии, конечно, служил, но умеренно, не за счет потери собственного достоинства. Приносил домой (для сверхслужебного пользования!) в отнюдь не вегетарианские времена и давал читать «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» Шаламова, книги Авторханова. Много лет болея диабетом, он все же при моем появлении стал позволять себе рюмку водки за ужином, чтобы составить компанию. Виделись мы и в болшевском доме творчества кинематографистов, играли в преферанс вместе с четой Райзманов. Преферанс Индурский любил самозабвенно, знал толк в футболе, постоянно посещал с женой все театральные премьеры. И теща моя, милейшая Ольга Наумовна, дай Бог всякому, приближается к девяностолетию.

Память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Круто меняются времена. Пришла эпоха интернета. Уходят люди. Но вот уже почти четверть века 15 января у могилы Семена Давыдовича Индурского на Преображенском кладбище собираются те, кто работал с ним в «Вечерней Москве». Выпивают горькое вино, закусывают и вспоминают. Среди них и люди нового поколения из старой столичной газеты.

Скромная книжка, которая перед вами, – дань памяти человека, которого знала вся Москва.

Е. СИДОРОВ

О нем вспоминают коллеги

Слово об индурском

Егор ЯКОВЛЕВ

Уже выздоравливал, поднимался, ходил, уже улыбался той мальчишеской улыбкой, которая начисто снимала представление о его возрасте. Наверное, уже выражал, как бывало обычно, недовольство тем, что спрашивают о здоровье: «При чем здесь здоровье?»… А с рассветом его не стало – ночь отняла у нас еще одного…

Не стало Семена Индурского – человека, которого знала вся Москва. Еще бы! 21 год бессменно редактировал «Вечерку». А начинал без малого шесть десятилетий назад курьером московских газет… Теперь вышел номер, в конце которого нет набранной черным шрифтом строчки – редактор С. Д. Индурский. Этим и отличается свежий номер от 6 тысяч 300 номеров, ему предшествующих, – их всякий раз подписывал Индурский.

Старый москвич на трамвайном маршруте «А» не скажет иначе как «Аннушка» и свою вечернюю газету называет «Вечеркой». Так же доверительно, не побоюсь сказать интимно, относились к ее редактору. «Вечерку» хвалили, случалось – ругали, точнее – корили, как бывает в родной семье. И всегда любили. Любили и Семена Индурского – читатели, коллеги.

Для редакторской судьбы одного сердца, скорее всего, мало. Некоторых редакторов, из тех, кто руководил газетой до него, хотя они были заметно моложе Семена Индурского, давно уже нет в живых. А Индурский тянул – и не только редакторскую лямку. Был фронт подле Москвы, и он был фронтовым репортером. Недоброе начало 50-х годов захлопывало перед ним двери редакции, он лишался любимой работы. Все бывало в жизни этого хрупкого на вид, но очень сильного человека.

Был несуетлив. Менялись времена, исчезали одни транспаранты над Москвой, и через паузу появлялись другие. А он вел газету, не стремясь кому-то персонально понравиться: работал, как подсказывали долг, порядочность.

Не говорил о заслугах, ни на что не претендовал, а потому, наверное, был свободен от обид. Ему никто не напоминал о возрасте, но сам он о нем помнил: пошел и попросился на пенсию. Его уговорили поработать. Он и работал – пока мог.

И было у Семена Индурского еще одно качество, в котором убеждались очень многие: всегда старался помочь. Во всем, в чем мог. И тем, кому мог. Ни один траурный зал не сможет вместить всех, кого поддержал в своей жизни Семен Индурский. Помню, как пришел к нему с ныне известным писателем. Плохо у того было с жильем. Редактор «Вечерней Москвы» посмотрел документы: «Писатель ты хороший, а правильно составить заявление не умеешь». Взял лист и стал писать писателю его заявление… Увижу ли того литератора среди тех, кто придет проститься с Семеном Индурским? Сам он никогда не забывал о добре.

На факультете журналистики МГУ учится его внук. Будь Индурский, скажем, трактористом, пойди и внук тем же путем, очевидно, это бы больше приветствовалось. А я, признаться, думаю иначе. Если внук хоть в чем-то окажется похож на деда – нашей профессии еще раз повезет.

В песне о сложившем голову фронтовом репортере был припев: «И вышли, как всегда, „Известия", и „Правда", и „Красная звезда"». Выйдет и «Вечерняя Москва» – сегодня вечером.

Квартира на Абельмановке

Борис РУМЕР, Михаил РУМЕР (США)

На востоке Москвы, где когда-то проходил Камер-Коллежский вал, еще в начале XIX века очерчивавший городские границы, в двадцатые годы прошлого века на тогдашней окраине города, у Абельмановской заставы построили с десяток многоквартирных четырехэтажных домов. Это был небольшой поселок, от которого дальше к городским бойням шли улицы и переулки деревянного двух- и одноэтажья с дурно пахнущими от сараев-уборных дворами. Поселок в просторечье называли «новые дома». Квартиры в них обладали немалым для того времени уровнем комфорта – центральным отоплением, газом, канализацией и водопроводом. Селили туда разный народ – рабочих, инженеров, мелкий чиновный люд. Жили в каждой квартире чаще всего по две семьи в отличие от коммуналок центра, где в бывших барских многокомнатных квартирах обитало по десятку семей. В окрестных дворах царили воровство, жестокие драки, безотцовщина. Отцы наших сверстников воевали, сидели, и «черный ворон» – тюремный автомобиль – был частым гостем в «новых домах».

Мы – родители и трое детей – жили в двух комнатах, полученных в начале тридцатых годов матерью (она работала одно время секретарем в каком-то солидном учреждении, кажется, в «Мосэнерго»), а не отцом – преуспевающим журналистом. Когда же отцу лет семь спустя, незадолго перед арестом предложили трехкомнатную ведомственную квартиру на улице Правды (он был членом редколлегии «Комсомолки»), мать решительно отказалась туда переезжать, проявив незаурядное политическое чутье. «Тебя посадят, – сказала она отцу, и меня с детьми выкинут из этой квартиры. А так я у себя». И оказалась права, его вскоре посадили, а нас, хотя и были мы семьей «врага народа», не тронули, оставили на Абельмановке. Третья комната в квартире, похоже, была в ведении хозяйственного управления Московского обкома партии, и в ней постоянно селили людей, так или иначе причастных к этой системе. В конце тридцатых в ней жил с семьей Дмитрий Емельянов, работавший то ли в заводской многотиражке, то ли уже в газете «Московский большевик».

Вскоре после ареста отца Емельянов получил отдельную квартиру и съехал от нас. А в комнату вселилась семья Индурских.

Семен же (тогда еще мало кто называл его по имени отчеству – Семен Давыдович) к своим 27 годам успел послужить в армии, потрудиться в районных газетах Московской области и теперь работал в «Московском большевике», где некогда начинал курьером. Это было легендой здания на Чистых прудах, где в шестидесятые годы располагались московские газеты: редактор «Вечерки», начинавший здесь курьером. Но младший из нас двоих, работая в те годы в «Московской правде», помнил, как редакционная курьерша тетя Нюша, разносившая по отделам полосы, шаркая старческими ногами, встречая Индурского на лестнице, называла его Сенечкой: «Я ж его мальчишкой помню».

Впрочем, курьерское начало биографии, связанное с Индурским, проявляется в судьбах разных весьма известных в нынешнее время людей. «Я ж начинал курьером в «Вечерке» при Индурском», – говорит телеведущий Лев Новожженов. «Представьте себе, я был в юности курьером у Индурского», – рассказывает советник президента России Михаил Федотов. Может, это так надо было – начинать курьером в «Вечерке», чтобы сделать карьеру в соответствии с классической американской легендой о мальчишке-газетчике, ставшем миллионером? Но вернемся к предвоенным временам.

Семен работал в военном отделе «Московского большевика», который в 41-м стал прифронтовой газетой. Дома почти не бывал, жил в редакции, как тогда говорили, на казарменном положении.

Комната часто стояла пустая. Ключ Семен оставлял нам, не возражая против наших мальчишеских визитов и пользования книгами, которыми был набит шкаф. Как он помнится, этот шкаф, и просторная тахта рядом с ним, на которой так сладко читался Диккенс (великолепное довоенное издание), Гоголь!

Этот ключ сыграл спасительную роль в истории нашей семьи. Сразу же после войны отец, отсидев первый срок на Колыме, возвращался, как там говорили, на материк. В Москве ему не то чтобы жить, но даже и появляться было нельзя – «поражение в правах» – осесть разрешалось в каком-нибудь небольшом и уж конечно не в столичном городе. Но не соблазниться возможностью повидаться с женой, с выросшими за девять лет его отсутствия детьми было невозможно. И он появляется на Абельмановке, наслаждаясь общением с нами, не выходя из дома, понимая, что счастье наше незаконно, оно украдено у властей, но оттого ощущается еще острее. Пребывание отца в Москве грозит ему не просто высылкой, чего доброго, и новый лагерный срок могут навесить. Индурский же, уходя на работу, каждое утро оставляет нам ключ от своей комнаты – на всякий случай. Понимал ли он, какой это мог быть случай? Конечно, понимал, нравы и законы этой власти не мог не знать.

Резкий звонок в дверь раздался днем. Мать, работавшая истопником, была в котельной. Старший из нас, тогда шестнадцатилетний, уверенный, что это соседка с нижнего этажа – она всегда звонила так резко, пошел открывать. Одновременно с лязгом замка раздался тихий звук другого осторожно закрываемого английского замка. Отец предусмотрительно вошел в комнату соседа. В тот же миг сына буквально отбросило к стене распахнувшейся дверью, и в переднюю быстро вошли в сопровождении испуганной управдомши двое мужиков в сапогах и синих пальто.

– Где отец?

– На Колыме.

– Знаем, на какой он Колыме.

Прошли в комнаты, раскрыли створки шкафа, заглянули под кровать. В сомнении остановились у соседской двери.

– А здесь кто живет?

– Журналист из «Московского большевика», – пролепетала управдомша.

– Журналист… – проворчал один. – Знаем мы этих журналистов.

Отец стоял за дверью, затаив дыхание. Ключ, торчавший с внутренней стороны, не был вынут. Оперативники недовольно потоптались в прихожей, но дверь ломать не решились. Ушли, грохоча сапогами. Ночью нас выслали в дозор. Отец вышел в надвинутой на лоб кепке. Его переправили к друзьям, и больше он уже не появлялся на Абельмановке до самой своей реабилитации.

Мы все помним эту историю, она осталась в анналах семьи, разбросанной нынче по континентам. И если есть у Семена Индурского грехи (а у кого их нет?), пусть они простятся ему на том свете за этот спасший нас ключ. У нас троих (нас двое и сестра) есть основания быть ему благодарными. В самые тяжелые годы он проявлял себя по отношению к нам, семье врага народа, безукоризненно, как абсолютно порядочный человек. Это факт.

Семья Индурского выглядела счастливой. Тон задавала его жена Оля – так просто она просила себя называть. Росла прелестная маленькая дочка. Ходили в гости, и сами принимали у себя людей, не пропускали театральные премьеры, знались с актерами, писателями, известными спортсменами. Помнится приход в нашу квартиру нападающего московского «Динамо» Василия Трофимова (Семен дружил с ним), ребята со всего двора выстроились у нашего подъезда, чтобы взглянуть на знаменитого Василька. Каждый год Индурские ездили отдыхать на юг, после чего Семен обязательно оставлял на нашем кухонном столе корзинку с привезенными фруктами. Добра и внимательна была и Оля. О ней у нас тоже сохранились очень теплые воспоминания. Когда младший из нас заскучал в свои отроческие годы, не

находя себя в дворовых мальчишеских играх, она, выросши на Покровке и памятуя свое не такое уж далекое отрочество, посоветовала поехать на Кировскую, в переулок Стопани, где тогда в двух старинных барских особняках находился городской Дом пионеров с его многочисленными кружками, рассчитанными на интеллигентных мальчиков и девочек. И более того, дала денег на трамвай, что было немаловажно в условиях нашего нищего быта. Совет пришелся впору. Литературный кружок Дома пионеров вошел в жизнь младшего, приохотил его к перу, сдружил с людьми, отношения с которыми продолжались десятки лет.

Где-то в конце сороковых или начале пятидесятых, в разгар борьбы с космополитизмом и набирающей ход антисемитской кампании Индурского выкинули из «Московского большевика». Речь шла о какой-то чужой газетной ошибке, но повод найти было так просто, а последствия могли стать столь непредсказуемыми, что уход из газеты и последующее устройство рядовым редактором в издательство можно было считать еще удачным исходом. Роковую роль в его изгнании из газеты, по рассказам Семена уже в семидесятые годы, сыграл тот же Дмитрий Емельянов, который тогда был заместителем редактора газеты. Дядя Митя, как мы его называли в детстве и как его звали многие молодые провинциальные редактора, распивавшие с ним бутылку в бытность его впоследствии каким-то начальником в Союзе журналистов, был верным солдатом партии и шел в первых рядах любой проработки. Вот ведь чертова квартирка, могли мы сказать булгаковскими словами: в одной комнате, правда в разное время, жили и проработчик и его жертва.

После смерти Сталина Индурский вернулся-таки на газетную работу – заместителем редактора «Московского комсомольца», что было не по его сорокалетнему возрасту, а вскоре перешел в «Вечерку» также заместителем редактора и в 1966-м, после ухода Виталия Сырокомского в «Литературку», стал главным. Но этот сюжет его жизни проходил уже за пределами Абельмановки, он получил в соответствии со своим новым положением отдельную двухкомнатную квартиру в престижном районе города. Тем не менее видеться с ним младшему из нас приходилось в шестидесятые – начале семидесятых годов в период работы в «Московской правде», которая находилась на пятом этаже газетного здания на Чистых прудах, а на шестом этаже располагалась «Вечерняя Москва». Но встречи эти проходили не столько в редакционных коридорах, сколько во время регулярных собраний городского партийного актива в Колонном зале. Там за сценой находилась большая Красная гостиная (называемая так по цвету отделки), куда по телеэкрану транслировалось все, что происходит в зале, и где сидела аппаратная горкомовская рать вместе с редакторами московских газет с членами своих редколлегий. Рядом с Индурским всегда был его зам. и наперсник – зав. партийным отделом Илья Пудалов – старый, тертый-перетертый в аппаратных делах. Да и сам Семен был искушен в этих играх более чем достаточно. Долгая и трудная газетная жизнь, «опыт – сын ошибок трудных» научили его осторожности и уменью обращаться с властью предержащей. Однако в разговорах с младшим из нас (а время поболтать в Красной гостиной было) он отмякал, охотно вспоминал Абельмановку, наше детство, но порой и по-своему опекал, учил правилам поведения. Как-то, когда младший, соскучившись ровным течением доклада Гришина, начал читать газету, к нему подсел Илья Пудалов: «Тебе велено передать, что, когда первый секретарь выступает с докладом, газету читать не стоит». Подумалось, кто ж это такой заботливый? Редактора «Московской правды» Юрия Баланенко здесь не было, да и он сам держался куда свободнее, чем другие редактора. Но тут же заметным стал укоризненный и твердо-упорный взгляд Индурского. Знал, знал Семен Давыдович, что можно и чего нельзя делать в Красной гостиной!

Но при всей своей осторожности евреев в газету брал. Может быть, не так густо, как Баланенко, которому, конечно, можно было предъявить обвинение в неправильном подборе кадров. У него, правда, имелось объяснение своей юдофилии: «Если русский у меня способный появляется, его вскоре в центральную газету переманят – откуда ж им кадры брать?

А евреи остаются…» В результате создавался образ все уплотняющегося еврейского чернозема, так что один мой остроязыкий товарищ, идя по коридору «Московской правды» и рассматривая таблички с фамилиями заведующих отделами на дверях, заметил: «Да у вас тут просто какое-то еврейское кладбище – Лимбергер, Резников, Румер…» Но Индурскому в силу его собственного еврейского происхождения было труднее, тут обвинения могли быть посерьезнее. Тем более, что чернозем этот уплотнялся и до него. В редакции имелось немало евреев, работавших там с незапамятных времен, как, например, тот же Пудалов. И все же брал. Взял Бориса

Винокура, взял Давида Гая, одного из лучших перьев «Вечерки» (ныне он в Нью-Йорке, где написал два отличных романа, изданных в России, и к тому же является заместителем редактора литературного журнала «Время и место»).

Пожалуй, здесь имеет смысл заканчивать наш короткий мемуар. Многие люди помнят Семена Давыдовича Индурского, связывают с ним свою жизнь и то время – противоречивое, сложное время, в которое мы жили. А мы еще вспоминаем и свое детство, и юность, символом которых стала квартира на Абельмановке, и доброе к нам отношение нашего знаменитого соседа.

А начинал курьером…

Юрий ИЗЮМОВ

Газету, весь ее сложный механизм с торчащими наружу рычагами и скрытыми пружинами, со всеми тонкостями внешних связей Семен Давыдович знал лучше всех в «Вечерней Москве». На сладкой газетной каторге он начинал курьером, поднимался со ступеньки на ступеньку и пост главного редактора занял потому, что лучшей кандидатуры найти было невозможно.

Мне приходилось работать с разными главными редакторами, я в газете с 1952 года и, сказать по чести, равного ему профессионала не встречал.

Ровно в 9.00 Индурский всегда был на своем рабочем месте. На его письменном столе с предыдущего дня лежал лист бумаги, испещренный записями обо всем, что надлежало сделать. Семен Давыдович был большим аккуратистом. Это проявлялось во всем: в одежде, в порядке в кабинете, в четко расписанном и неукоснительно соблюдаемом режиме дня, помогавшем справляться с разными недугами. Придя в редакцию, он первым делом просматривал этот лист, вычеркивал то, что было сделано, а все, что оставалось невыполненным, переносил на новый лист, который потом заполнялся и заполнялся до самого вечера.

Первый час работы занимало решение вопросов, возникших по ходу выпускаемого номера. В 10 начиналась планерка по следующему. Доклад секретариата, заявки отделов, претензии, споры, жалобы – все укладывалось в 30 минут. Что бы ни случилось, газета должна была быть подписана в печать в 2 часа дня. И она всегда в 2 часа подписывалась.

К этому времени во дворе типографии и в Потаповском переулке стояла вереница голубых почтовых грузовиков с белыми полосами наискосок на бортах. Наступает момент, когда типографское здание легонько вздрагивает: начинает работать газетная ротация. А вот и пачки свежей «Вечерки» посыпались с конвейеров в кузова грузовиков, развозящих ее по всему городу. Подписчикам газета доставлялась в тот же вечер. Их было очень немного, официально подписки не существовало, оформляли ее только очень заслуженным людям или по доброму знакомству с редакцией; в 6-этажном доме по Большому Козловскому, где я жил, «Вечернюю Москву» получала одна семья – солистов балета Большого театра Р. Стручковой и А. Лапаури. Это было всем известно, так как на почтовых ящиках жильцов, занимавших иногда всю площадь дверей коммунальных квартир, для удобства почтальонов наклеивались заголовки получаемых ими изданий.

В киоски «Союзпечати» газета попадала от 4 до 5 вечера. Но еще за час до того у них выстраивались очереди самых преданных читателей. В дни же, когда печатались таблицы выигрышей по государственным займам, в них стояли сотни людей. 100-тысячный тираж расходился мгновенно. Можно ли представить картину слаще этой для всех вечерочников. Идешь или едешь с работы, видишь эти очереди и, как пелось в песне тех времен, «в сердце приходит отрада».

Самые первые, пробные свежие номера поступали, конечно, в редакцию. Семен Давыдович, а с ним весь редакционный аппарат, рабочие типографии их внимательнейшим образом просматривали. Газетное дело неизбежно связано с самыми неожиданными неожиданностями. Ладно, опечатка, а то ведь такие ляпы проскакивали, что лучше не вспоминать. Чтобы их выловить, давалось 15–20 минут от подписания номера «в печать» до подписания «в свет». Не знаю, как уж это получалось, но чаще всех ошибки замечали рабочие ротационного цеха, за что получали премии от редакции. Наверное, дело в том, что у них, что называется, «глаз незамыленный». В случае такого ЧП ошибка мгновенно устранялась прямо у

наборного талера, исправлен*ная* полоса заново матрицировалась, и все это за те же 15–20 минут.

Предшественник Индурского на посту главного редактора читал газету уже после ее выхода и если был чем недоволен, устраивал разнос на следующий день на планерке. Все понимали ущербность такой методы, но главный есть главный, с ним не поспоришь. Семену Давыдовичу как заместителю за редкие в общем-то ошибки и неудачные материалы приходилось первым выслушивать гневные тирады не стеснявшегося в выражениях шефа. Став главным, он этот стиль работы сразу отверг.

Если ошибки все же случались – а это неизбежно, все газетчики знают, что, пока существуют газеты, ошибки в них обязательно будут, ибо идут от самой природы человека, – Семен Давыдович, конечно, очень переживал, но на планерке ограничивался сдержанным замечанием. А видя расстроенное лицо виновника, философски произносил: «Но ведь вышедший номер у нас не последний, завтра выйдет следующий, дадим поправку».

«Вечерка» печаталась тогда на четырех полосах, из которых одна, четвертая, отводилась под объявления. При огромном разнообразии и изобилии событий и тем в жизни столицы, чтобы все их вместить в остающиеся три полосы, надо было писать предельно скупо, не забывая при этом ТАССовского принципа: полнота в краткости. Заметка в 60 строк считалась у нас крупным материалом. Разумеется, речь идет об информационных материалах, особенно первополосных. Статьи, фельетоны, рецензии, интервью, располагавшиеся на внутренних полосах, были, конечно, объемнее, но и там существовал предел: 4 машинописных страницы. Хорошую школу писать четко и кратко я тогда прошел. А как ценили это качество наши читатели!

Вернусь к очередям у газетных киосков. Было бы лукавством говорить, что они выстраивались только вечером. Авторитет советской печати был очень высок, ей верили, на нее надеялись как на последнюю инстанцию в отстаивании справедливости, с ней советовались, делились мыслями и переживаниями, через нее воздействовали на непорядки и безобразия, критиковали начальство. Но другие газеты, особенно центральные, имели большие тиражи, их хватало, а «Вечерняя Москва» всегда была в дефиците. Гостивший у нас редактор «Вечерней Праги» с удивлением рассказывал: «Вчера на Кузнецком Мосту ее продавали по рублю (при цене в 2 копейки) – так значит, ваша газета – товар!»

Время моей работы в «Вечерней Москве» пришлось на те годы, когда городом руководил Виктор Васильевич Гришин. Человек с рабочими корнями, накопивший огромный опыт партийной, государственной и общественной деятельности, он добивался улучшения жизни москвичей, совершенствования гигантского городского хозяйства, промышленности, строительства, науки и культуры.

Москва была городом прежде всего трудовым. Она давала шестую часть промышленной продукции страны, имела несравнимый с другими центрами объем строительства, сосредоточивала лучшие творческие силы. Образование, полученное в Москве, считалось эталоном. Транспорт в столице работал как часы, поддерживался строгий порядок, преступность носила в основном бытовой характер. Сейчас в это трудно поверить: за неделю происходило одно-два убийства. Любители жить не честным трудом, а всякими махинациями, строго преследовались. Паспортный режим служил барьером для иногородних мошенников, спекулянтов, воров и бандитов. Недостаток рабочей силы на предприятиях восполнялся «оргнабором» молодежи из близлежащих областей. С национальных окраин не брали, существовала концепция, что Москва всегда должна оставаться русским городом. И это удавалось при всей многонациональности ее населения. Приехав на работу или учебу, человек понимал, что не должен жить по обычаям малой родины, часто здесь совершенно неприемлемым, а принимать установленные многими поколениями коренных москвичей правила человеческого общежития. «Вечерняя Москва» была газетой города-труженика.

Разумеется, каждый читатель кроме общемосковских тем искал то, что ему было ближе по профессиональным и интеллектуальным интересам, увлечениям, складу личности. При тогдашней общедоступности всех видов зрелищ (билет в первый ряд партера Большого театра стоил три с полтиной, в другие театры – от полутора до двух рублей) москвичи всегда стремились быть в курсе событий в мире искусства. И газета ни одно из них не оставляла без внимания. Театральные и эстрадные премьеры, гастроли, выставки рецензировались на следующий же день. Отмечались дебюты, юбилеи и прочие приятные атрибуты культурной жизни.

Газета сообщала обо всех изменениях в работе транспорта, о вводе новых домов, предприятий, бытовых и торговых учреждений, о новой продукции и достижениях промышленности, чутко прислушивалась ко всему новому в медицине, в фундаментальной и прикладной науке, технике.

Массу информации самого разнообразного характера давала полоса объявлений. В том числе специфической: кто с кем разводится. Политика Советской власти была направлена на всемерное укрепление семьи. Разводящихся отчитывали на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях, им возводили всяческие барьеры. Один из них – обязательная публикация объявлений о каждом таком прискорбном случае в газете. Бракоразводные объявления печатались ежедневно многими десятками, и находились читатели, которые именно с них начинали знакомство с номером. А если в них встречались известные фамилии, об этом говорил весь город. Тогда было правилом для предприятий и организаций сообщать через газету о кончине коллег, выражать соболезнования родным и близким покойного. Тоже часть информационных обязанностей прессы.

Газету делал сравнительно небольшой коллектив журналистов. Заместителями главного были многоопытный Михаил Мартемьянович Козырев и я, новобранец. Написать обо всех, кто находился в штате, нет никакой возможности, поэтому ограничусь теми, кто работал в «Вечерке» испокон лет, был ее живой историей, кого уж нет и кто ничего сам не расскажет.

Начну по справедливости с Всеволода Васильевича Шевцова, ответственного секретаря, так сказать, начальника штаба редакции. К нему так и просится эпитет «блестящий». Как журналист. Как кладезь знаний по истории Москвы, по искусству и спорту. В этих сферах его знали все, и он знал всех, кто того был достоин. Добавьте к этому острое чувство юмора, ироничность, старомосковское воспитание, природную элегантность, и вы поймете, почему Всеволод Васильевич, или Сева, как его звали сверстники, в глазах многих был символом «Вечерки». Кстати, в случае чего, он и отбрить был мастер. Шевцов нежно, но требовательно опекал нескольких интересных и своеобразных авторов из старой журналистской гвардии, чьи заметки привносили в газету неповторимые краски, в том числе Дмитрия Зуева, великого знатока и любителя подмосковной природы. В редакции Зуев появлялся в неизменном доисторическом непромокаемом плаще, с палкой в руках и рюкзаком за плечами, принося каждый раз свежую весточку из леса – первые фиалки и ландыши, ягоды, диковинной формы грибы. Шевцов звал его только Митькой, говорил с ним несколько иронически, но без его заботливых рук не было бы чудесных зуевских книг. Семен Давыдович разглядел в Шевцове еще и недюжинный талант организатора и выдвинул его в ответственные секретари.

Главной опорой главного редактора и его верным другом был заведующий отделом партийной жизни Илья Львович Пудалов. Он пришел в газету из горячего цеха завода «Серп и молот», рабочая закваска чувствовалась во всем его поведении. В силу своей специфики «Вечерняя Москва» не печатала официальных материалов, о крупных политических мероприятиях давала собственные краткие отчеты. Пудалов был прекрасным мастером этого ответственного и небезопасного жанра. Соперничать с ним мог только сам Индурский. Наиболее ответственные отчеты они делали вместе.

Надежными коренниками были заведующий отделом промышленности и транспорта, неизменный секретарь партбюро Николай Александрович Сидоров и заведующий отделом строительства и городского хозяйства Леонид Львович Баренбаум. Баренбаум знал руководителей всего аппарата, управлявшего этими отраслями, еще рядовыми инженерами и прорабами, для него все двери в этом аппарате были открыты. Что помогало не только в работе, но и в решении то и дело возникавших бытовых проблем работников редакции и их родственников. Лично я ему благодарен за первую в жизни отдельную квартиру, полученную не где-нибудь, а в доме на только что отстроенном проспекте Калинина, где моими соседями стали Алексей Арбузов, Юрий Яковлев, Вера Васильева, Геннадий Бортников и другие известные люди. Марка «Вечерней Москвы» того требовала. В день получения ордера весь редакторат поехал на футбол в Лужники – было заведено не пропускать интересные матчи. Я прихватил бутылку коньяку. Мы сидели в ложе прессы, где тогда распивать ее было, мягко говоря, неудобно. Пришлось это сделать в условиях конспирации. Семен Давыдович, который пил только в случае крайней необходимости и чисто символически, пошел на нарушение, глазом не моргнув.

В московской медицине нашим полпредом была Маргарита Михайловна Рождественская (М. Багреева). Ее знали все знаменитости и просто хорошие врачи. Об их достижениях, новинках здравоохранения она всегда узнавала первой. Похоже, ее подопечные сообщали ей прежде, чем своему начальству. А в «Вечерке» выдать новость раньше всех газет – на профессиональном жаргоне «вставить фитиль» – ценилось сугубо.

Я застал последние годы работы в редакции, наверное, самой колоритной даже на незаурядном общем фоне личности – Ильи Осиповича Адова, заведовавшего отделом искусств. Он начинал карьеру на рубеже 20 -30-х годов. Могучий мастодонт-газетчик, Адов являл собой ее казавшееся тогда далеким-далеким прошлое, работал вместе с людьми, о которых нам в университете рассказывали в курсе истории журналистики.

Особое место в жизни редакции занимал Борис Яковлевич Бринберг, с которым мы когда-то делали первые не очень уверенные шаги в «Московском комсомольце» 50-х и где на всю жизнь подружились. В «Вечерней Москве» работали люди разных дарований, в том числе и творческих. Были, например, репортеры, умевшие куда угодно проникнуть, у кого угодно взять интервью, добыть уникальную информацию. Но изложить полученное на бумаге для них проблема. Приняв то, что у них получилось, Бринберг с необыкновенной легкостью превращал сырье в качественную готовую продукцию, за что был ценим и уважаем. Редкий талант стилиста! Борис и сам регулярно писал, многие годы один вел рубрику «вечерние беседы», заполняя нишу тем морали и нравственности.

Придумал эту рубрику Семен Давыдович. Он постоянно предлагал новые темы, новые формы для газеты. Издавать первое в стране рекламное приложение – его идея. Выходившая по средам малым форматом «дочка» основного издания пользовалась успехом у читателей с самого своего появления. Вечерние газеты других городов дружно подхватили наше начинание.

При Индурском коллектив газеты при всем своеобразии некоторых его членов жил дружно, существовали отношения товарищества, при нужде – и взаимопомощи. Главный редактор твердой рукой пресекал любые возникавшие шероховатости, внимательно следил за поддержанием хорошего внутреннего климата.

Молодое пополнение набиралось из подходящих существующему духу людей – деловых и нескандальных. Семен Давыдович был чужд сантиментам, строг и справедлив. А в сущности, в любых ситуациях оставался добрым, гуманным человеком. Не припомню случая, чтобы кого-нибудь третировал, а тем более уволил. Помогал же многим, сотрудники без робости шли к нему со своими проблемами.

Говорят, горе другого могут увидеть только глаза, которые сами много плакали. В жизни Семена Давыдовича было немало трудных поворотов. О самом тяжком он мне обмолвился лишь однажды. Когда в конце 40-х после «дела врачей» начались гонения не евреев, его сократили и нигде не брали на работу. Каково быть главой семьи и не иметь возможности ее содержать! После долгих мытарств Индурский получил скромную должность в издательстве, но при первой возможности вернулся в газету. Газетчик – это не профессия, это судьба. Она в конце концов его щедро вознаградила.

Несмотря на перенесенные испытания, Семен Давыдович, когда я его узнал, был улыбчив и жизнерадостен, любил и умел пошутить, поиронизировать. Однажды на планерке кто-то из заведующих посетовал, что на завтрашнем важном мероприятии будет строгий пропускной режим и его сотрудник может туда не попасть.

– В таком случае вместо материала пусть приносит заявление об уходе, – спокойно сказал редактор.

Много воды утекло с тех пор, а в памяти он как живой со своей милой улыбкой, то веселым, то строгим взглядом. Каждый год 15 января, в день его рождения, у могилы своего главного редактора на Преображенском кладбище собираются старые вечерочники – Таня Харламова, Кира Буряк, Наташа Заболева, Алла Стой-нова, Юра Варламов, Коля Митрофанов…

Не знаю больше никого из редакторов, кого бы так чтили.

Классик вечерних новостей

Герман БРОЙДО

Нынешнее поколение журналистов и читателей – те, кому до 40, – уже не застали того времени, когда газеты набирались на линотипах, а затем колонки еще тепленьких металлических строк верстальщики на металлических столах укладывали в металлические же рамы. Отливка текста была горячей. Но и новости в вечерней столичной газете были тоже, что называется, горячими. В том смысле что газета, которая сдавалась в печать в 14.15, не могла выйти в свет без рубрики «Сегодня». Москвичи узнавали эти новости не из телепрограммы «Время», выходившей в эфир в 21.00, а из «Вечерки», поступавшей в киоски и к почтальонам в 17.00. И сильные мира немало удивлялись, увидя фото со своим изображением, сделанное за три часа до того…

Происходило это волшебство при отсутствии факсов и электронной почты, благодаря четкой организации работы журналистов «Вечерки» и авторитету ее главного редактора. Индурский мог позвонить самому высокому партийному или государственному чиновнику и сказать, что информация нужна в течение ближайших 15 минут. И газета ее получала. Напечататься в «Вечерке» было престижно. В своей книге «Газета выходит вечером», изданной три десятилетия тому назад и ставшей своеобразным учебником, С. Индурский цитирует Маяковского: «Славу писателю делает «Вечерка». Профессиональные требования Индурского были жесткими, и от халтурщиков и неумех редакция освобождалась. Дешевая сенсация отвергалась, вранье и путаница сурово пресекались. Зато процент заслуженных работников культуры России был в редакции «Вечерки», пожалуй, самым высоким среди газетных коллективов столицы. И когда журналист нуждался в жилье, Индурский лично отправлялся к тем, от кого зависело распределение социальных благ. Он не был добреньким, но порой не мог устоять перед нахрапом. Мне известен факт, когда один из журналистов купил себе мебель и привез ее «ненадолго постоять» в квартиру главного: вы, мол, пока на даче…

Душевная ранимость людей творческих профессий общеизвестна.

Но в общей форме. А вот в применении к конкретному Семену Индурскому об этом порой забывали даже те, кто проработал с ним не один год и пользовался его благорасположением. Чего уж говорить о высоком начальстве! К своему 70-летию, пришедшемуся на январь 1982 года, Индурский был уже, можно сказать, ветераном «Вечерки», проработав в ней более четверти века. Был заготовлен текст приветственного адреса. Редактировал его лично член политбюро ЦК, первый секретарь МГК партии Гришин. Эта правка сохранилась в архиве. Перед фамилией, именем и отчеством юбиляра на титульном листе важный партийный цензор дописал – «главному редактору газеты «Вечерняя Москва» товарищу…». А в пассаже о том, что за полвека газетной работы Индурский прошел все ступени – от курьера до редактора, остался только стаж.

Вылетели слова «большой опыт, организаторские способности, свойственные вам принципиальность, инициативность, деловитость, чуткость…». Товарищ Гришин не просто не любил похвальных слов, он осознавал их опасность. И потому вычеркнул эпитеты во фразе: «Вы снискали большое уважение и высокий авторитет», – так что не стало ни большого, ни высокого.

Конечно, Индурского ценили. Его наградили четырьмя высокими по тем временам орденами, дали почетное звание, приглашали в президиумы. Но он-то знал, что и расправиться с ним могут в любой момент. Такое уже случалось.

В 50-е годы Индурского, прошедшего к тому времени школу столичных газет «Красный воин» (без отрыва от службы в армии) и «Рабочая Москва» (нынешняя «Москов-

ская правда»), куда он писал как военный корреспондент в годы Великой Отечественной и где продолжал работать в послевоенное время, уволили в одночасье за чужую ошибку и милостиво позволили устроиться рядовым редактором в книжное издательство. К газетной работе ему удалось вернуться лишь после смерти Сталина.

Архивы сохранили удивительные документы, которые большинством в 70—80-е годы воспринимались – во всяком случае внешне – как нечто обыденное.

Каждый, кому предстояло ехать за рубеж, должен был представить в райком партии положительную характеристику от «треугольника» (администрации, парткома и месткома профсоюза). В характеристике необходимо было указать, что претендент на выезд политически благонадежен и морально выдержан. Редактор городской партийной газеты, член горкома партии, депутат Моссовета, орденоносец Индурский не вправе был рассчитывать на особое благорасположение. В личном деле Индурского, хранившемся отделом кадров, – около двух десятков таких «характеристик». В 1973 году, к примеру, 60-летний главный редактор почувствовал необходимость полечить желудок. В райком сообщается, что он политически грамотен, и редколлегия, партбюро и местком «рекомендуют его для поездки на лечение в Карловы Вары».

Политически неграмотных лечиться не пускали… Это мы сегодня смеемся. Тогда многие плакали.

Он умер утром в день своего 76-летия, 15 января 1988 года, так и не успев получить удостоверение пенсионера. Медицинский эпикриз свидетельствовал, что смерть была в общем-то неизбежна из-за тяжелой болезни. Но почему именно в такой день?! Да, он находился в больничной палате, но дела шли на поправку, и врачи считали, что гостей с поздравлениями можно будет к имениннику допустить. Никто не успел.

Полагаю, что существовал некий психологический фактор, ускоривший конец. О чем думал Семен Давыдович в день своего рождения, зная, что в редакционный кабинет он уже не вернется?.. Он был во главе газеты 22 года из 32 лет работы в ней. Отметив незадолго перед тем 75-летие, Индурский понимал, что перестройка и связанные с ней кадровые новации его не минуют, и ждал их. Ни популярность газеты, тираж которой превысил в ту пору 600 тысяч, ни очереди за ней у киосков не могли служить аргументом, что «старик все еще тянет». Установка Сталина о том, что «незаменимых не бывает», продолжала действовать. А Борис Ельцин за два года своего пребывания на посту первого секретаря МГК КПСС не нашел времени поговорить с главным редактором городской партийной газеты. Это был симптом, понятный для старого газетного «волка».

Осенью 1987 года его вызвали в отдел пропаганды и от имени хотя и опального, но еще не ушедшего Ельцина предложили подать в отставку. И никто не удосужился сказать прилюдное спасибо человеку, который отдал столичной прессе почти шесть десятков лет и стал классиком вечерней журналистики. Эти слова, правда, сказаны были на гражданской панихиде одним из секретарей МГК, пребывавшим в этой должности без году неделю.

Между тем феномен Индурского – не столько в том, что никто другой не возглавлял так долго «Вечерку», сколько в том, что именно при нем газета стала непременной, неотъемлемой частью быта москвичей, главным источником житейской информации. Не тех новостей, которые пугают и шокируют, а тех, которые полезны, интересны, порой занимательны. У старой «Вечерней Москвы» была, разумеется, политическая ангажированность, неизбежная в советское время. Но газету Индурского помнят и ценят за то, что она входила в каждую московскую семью как искренний друг.

Семен и его команда

Александр КУЗНЕЦОВ

Уроженец местечка Дунаевцы Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области, он повился в советской столице с семьей своего дяди совсем юным парнишкой. Но на что жить?

Ему повезло: на бирже труда дали направление на работу курьером в редакцию газеты «Рабочая Москва». Это был 1930 г. С курьерской должности и началась его жизнь в журналистике.

Была армия, был газетный техникум. В годы Великой Отечественной и.о. зав. военным отделом в «Московской правде» выезжал в действующие войска. А в «Вечерней Москве» Семен, как его попросту называли между собой сотрудники, появился в 1956 году: ответственный секретарь, заместитель редактора, последние 22 года жизни – редактор, сменивший на этом посту ушедшего в «Литературную газету» В.А. Сырокомского. «Вечерка» стала для Индурского вторым домом – родным и любимым.

В этом доме жили профессионалы, досконально знавшие Москву и москвичей – метростроевцев и спортсменов, работников городского хозяйства и деятелей культуры, академиков и врачей. С такими вездесущими сотрудниками редактор мог быть спокоен: никакое городское событие не останется без внимания газеты.

Надо отметить, что С.М. Индурский тщательно, а порой и с осторожностью подбирал свою команду. Во всяком случае, так было со мной. Однажды мне позвонили: «Не могли бы заглянуть в «Вечерку» на огонек? Есть необходимость познакомиться». Заглянул.

Разговор с редактором (я видел его впервые) был, казалось бы, о том о сем, но с элементами деликатного тестирования. Забегая вперед, скажу, что деликатность была присуща ему всегда. Бестактность по отношению к подчиненным припомнить просто невозможно. Ему платили тем же, хотя порой беззлобно подтрунивали над ним. Впрочем, это удел любого начальника – быть мишенью для шуток или пересудов подчиненных. А возвращаясь к беседе, скажу: для меня она закончилась предложением поработать заместителем редактора.

Ну и какая тут тщательность и осторожность в подборе кадров, спросите вы. Уже примерно через полгода работы я спросил: «Семен Давыдович, почему вы остановили выбор на совсем незнакомом человеке?» И он, глядя на меня хитрющими глазами, с улыбкой ответил: «Почему незнакомом? Мы о вас многое и без вас узнали. Например, в «Правде» ваши документы ждали своего рассмотрения». Я был поражен, так оно и было. Вот это осведомленность!

А в центральной газете, откуда я перешел в «Вечерку», надо мной иронизировали: «Ну, поменял шило на мыло, сплетни по Москве собирать будешь?» Но это был ничем не обоснованный снобизм, взгляд свысока на городскую прессу.

Давайте с высоты прожитых лет посмотрим на «Вечернюю Москву» времен Индурского. Тираж 600–650 тыс. экземпляров – побольше, чем у иных центральных изданий. Очереди у киосков, когда вечером газета поступала в продажу. Отсутствие скучных, назидательных передовиц и длиннющих отчетов с пленумов и партактивов. Это была газета новостей только со словами «вчера», «сегодня», «завтра». Новостей, но никак не сплетен. Те же центральные газеты нередко ловили в «Вечерке» заинтересовавшую их информацию и трансформировали ее в своих жанрах.

Индурский как редактор придерживался западной модели вечерних газет, о чем неоднократно говорил: «Человек после работы едет домой в метро или электричке усталый. Ему не до длинных статей или рецензий. Мы должны давать ему полную картину московской

жизни, но быть предельно краткими». Это правило соблюдалось жестко и позволяло вместить в три газетные страницы до 70 разнообразных материалов (четвертая, что тогда было позволено только «ВМ», была занята рекламой – реклама и реализация тиража приносили солидные доходы в городскую партийную казну).

Не было строчки в газете, которую бы не прочитал наш Семен до выхода номера. Забирал машинописные тексты с собой домой на обед и, возвратясь, отдавал их с пометкой «чво» – «читал в оригинале». Я ему говорил: «Ну зачем вам читать даже подписи к снимкам (типа «Москва сегодня. Пушкинская площадь», «Москва сегодня. Нагатинская набережная)?» А он отвечал: «Вас, наверное, не била жизнь, молодой человек (мне было под 50). Лучше я прочитаю все – спать буду крепче».

Он много работал. И как редактор, и как депутат Моссовета. Внимательно изучал депутатскую почту, ответственно относился к приему избирателей своего округа – ни одно обращение не оставалось без внимания.

Человек строгой самодисциплины. Диабет давно заставил его отказаться от многих удовольствий – вкусно поесть, выпить рюмку, выкурить сигарету. Но иногда он просил у меня сигарету. «Зачем?» – «Нюхать буду…»

Мы с ним проработали шесть лет. Он ушел в отпуск, а после отпуска предполагалось, что мы проводим его на заслуженный отдых. Но все вышло совсем не так. Приступ, больница. Мы навестили его, сказали, что придем через неделю (в день рождения). Визит не состоялся: в свой день рождения рано утром Семен Давыдович умер – ровно в 76 лет. Умер в должности действующего редактора.

«Период Индурского»

Татьяна ХАРЛАМОВА журналист «Вечерней Москвы» с 1960 года

Я пришла на работу в «Вечерку», когда Семен Давыдович Индурский был ответственным секретарем газеты. В небольшом кабинете на Чистых прудах (да-да, «Вечерка» не всегда была на Пресне) меня встретил невысокий подтянутый человек с очень внимательным взглядом, пригласил присесть и четко и одновременно подробно рассказал, о чем я должна буду писать в газете. Так я познакомилась и с Семеном Давыдовичем, и конечно же вкратце с газетой. Одним из первых воспоминаний была «малая планерка» в кабинете ответственного секретаря, где репортеры отдела информации сообщали, о каких городских событиях будет написано в ближайшем номере. Главное было не опоздать с информацией, дать ее читателям первыми в Москве. А это, поверьте, было нелегко при наличии из техники только телефона и машинистки на проводе в редакции. Но Индурский следил четко, чтобы не было в разделе новостей информации со словом «вчера». Только «сегодня» было одним из его самых четких принципов, и когда Семен Давыдович стал редактором газеты (по-сегодняшнему главным, но тогда в штатном расписании были только сотрудники и корреспонденты, а редактор один), работать с ним было и трудно, и интересно.

«Вечерняя Москва» была в те годы одной из популярнейших газет в столице, тираж ее превышал 600 тысяч, а подписаться на газету считалось очень престижным. Не зря «Вечерку» называли любимой газетой москвичей. В отличие от официальных газет, где превалировали «серьезные материалы», «Вечерка» всегда была интересной, близкой жизни обыкновенных москвичей. В ней публиковались материалы, о которых говорила вся Москва. А в те годы это было совсем непросто. Помню, я опубликовала репортаж «Русь у „России"» о реставрации церквей у тогда только построенной гостиницы. Материал был отмечен на летучке, но Семену Давыдовичу сделали серьезные замечания «наверху». Но раз редактор одобрил материал, он за него и отвечает – лишь спустя несколько лет Семен Давыдович рассказал мне об этом случае.

Индурский был редактором нашей газеты 22 года. Многие, кому повезло работать с ним, помнят «период Индурского» как один из ярких периодов в жизни нашей газеты. Он давал путевку в жизнь не только журналистам своей газеты, Семен Давыдович был своего рода дуайеном московского журналистского сообщества.

Он любил своих сотрудников

Наталья ЗАЙЦЕВА главный редактор Объединенной редакции женских изданий Концерна «Вечерняя Москва»

Когда в июле 1967 года я пришла устраиваться в «Вечерку» на работу курьером, в этот день в редакции было многолюдно и звучала разноязыкая речь – болгарская, венгерская, румынская, польская, немецкая, чешская…

Дело в том, что в это время проходил автопробег, участниками которого были журналисты вечерних газет из стран социалистического содружества. Побывав в столицах европейских государств, они приехали в Москву и собрались в редакции «Вечерней Москвы». Из кабинета вышел Семен Давыдович, ошалело оглядел всех и остановил свой взгляд на мне: «А эта девушка что здесь делает?» – «Устраивается на работу курьером», – ответила секретарь. «Вот ей первое задание – отвезете венгерских гостей в гостиницу «Минск». Выйдя из редакции, я зашагала в сторону метро. Но гости меня остановили: «Мы – на машине». А как туда ехать на машине, я и не представляла, но со знанием дела командовала: «Здесь направо». – «Нельзя». – «Тогда налево» и т. д. В общем, методом «тыка» довезла я венгров живыми, а главное – веселыми. Когда они рассказали об этом Индурскому, он очень смеялся. А надо сказать, что Семен Давыдович смеялся не так уж часто. Улыбался – да, а вот смеяться…

Я поначалу думала: как хорошо быть главным редактором – все тебе приносят, гости приходят, беседы ведут… И однажды я ему об этом сказала. Он улыбнулся своей грустной улыбкой и ответил: «Вот когда станешь им, узнаешь, каково это, хлебнешь». Как в воду глядел. Впрочем, его «ясновидение» опиралось на собственный опыт. Когда сама стала главным, то часто вспоминаю Семена Давыдовича: а как бы он поступил, а что бы он сказал, а куда бы этот материал поставил… Мне так не хватает его мудрой и доброй поддержки…

Вообще, я не припомню, чтобы Индурский на кого-либо повысил голос, а если бывал сердит, то как будто бы тень ложилась на лицо. Он был настолько выдержан, порядочен в отношениях с людьми, организован, сосредоточен на делах, что, кажется, разбуди его среди ночи, и он тут же ответит, какой материал на какой полосе стоит. Уезжая в отпуск в Подмосковье, требовал возить ему гранки для чтения. Словом, работал всегда, везде и всюду. Потому что он очень любил свою работу, свою газету, да и своих сотрудников тоже, радовался нашим успехам.

Каким был мой дед

Дмитрий СИДОРОВ

Советская империя ушла в небытие, но мой любимый дед, проживший в СССР практически всю сознательную жизнь, не стал свидетелем полного распада коммунизма. Он умер, не досмотрев до конца фильм, участие в котором принимал.

Дед был умным и осторожным человеком, профессиональным журналистом, прекрасно понимавшим границы дозволенного. Именно поэтому, несмотря на то что он был евреем, ему удалось выжить в рамках советской номенклатурной прессы. Он знал правила игры и думал о тех, чье настоящее и будущее зависело от него.

Осторожность деда мне по наследству не передалась. Мне легче. Я живу и работаю в Америке. В моей квартире в Вашингтоне есть фотография, где дед и маленький я, улыбаясь, стоим на краю какого-то снежного поля, по своим размерам напоминающего бесконечную российскую зиму. Мы не позируем счастье, мы действительно счастливы в том году, в той стране, несмотря ни на что. Я совсем недавно понял, что мы рады только потому, что мы вместе. Что он есть у меня, а я есть у него.

Из книг С.Д. Индурского

Газета выходит вечером

Публицистика фактов

Ежедневно на столе дежурного заместителя ответственного секретаря редакции собирается стопка небольших материалов – одна, реже две странички машинописного текста – информаций в очередной номер, рассказывающих о событиях текущего дня почти 8-миллионного города.

Вечерние газеты принято называть информационными. Информация – понятие широкое, емкое. По существу все материалы призваны информировать, т. е. что-то сообщать читателю. Однако издавна сложилось правило – и от него вряд ли стоит отказываться – считать информационным жанром заметку, оперативно и сжато отражающую события, факты внутренней или международной жизни. Заметку можно назвать и публицистической миниатюрой.

По числу газетных миниатюр, а также формам их подачи вечерние газеты, в том числе и наша, столичная, обычно опережают утренние издания. Каждый номер «Вечерней Москвы» предлагает читателю на трех полосах (четвертая все дни, кроме пятницы, занята объявлениями) от 40 до 70 разнообразных материалов, значительная часть которых – заметки.

Вечерняя газета – газета городская. Ее репортерам не надо мчаться на самолетах, идти таежными тропами, переправляться через бурные реки, чтобы встретиться со своими героями, первыми рассказать о них. Велика столица, но, пользуясь метро, ее можно пересечь из конца в конец за час. И тем не менее и у нас в редакции эта овеянная духом романтики репортерская работа, работа хроникера требует особых профессиональных качеств. Репортер должен быть легок на подъем, готов в любое время отправиться на аэродром, вокзал, чтобы встретить гостя столицы, задать ему несколько вопросов, разузнать о фактах, интересных москвичу. Хроникер по призванию вездесущ, перед ним, как правило, открываются двери с предостерегающими табличками «Посторонним вход воспрещен» (была, кстати, у нас такая рубрика). На улице, в театре, парке – всюду даже в свободное от нелегкой службы время он остается репортером с наметанным глазом, газетным чутьем, не позволяющим ему пройти мимо фактов, событий, информация о которых просится на полосу. Работа в вечерней газете оттачивает, шлифует ценные свойства журналистского характера. В отделе информации собираются репортеры по призванию, здесь царят особые задор, психологический климат.

…Поздним вечером многие москвичи ощутили подземные толчки. Землетрясение? Люди звонили друг другу по телефону, шли разговоры в метро, трамваях, на улицах… Вышел очередной номер «Вечерки» с информацией:

ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЧКИ В МОСКВЕ

Вчера поздно вечером сейсмические станции ряда стран зарегистрировали сильное землетрясение в Румынии. Отголоски его дошли и до Москвы.

Сегодня утром наш корреспондент взял интервью у заместителя директора Института физики Земли Академии наук СССР профессора Е. С. Ворисевича.

– Вчера в 22 часа 22 минуты по московскому времени жители ряда районов столицы почувствовали подземные толчки, – сказал ученый. – Они длились приблизительно 30 секунд.

Сейсмическая станция «Москва» зарегистрировала их силу в три-четыре балла. Толчки ощущались в районе Красной Пресни, площади Маяковского, в Тропареве, Чертанове и других местах.

Никаких повреждений в городе нет, да и не могло быть при такой силе толчков. Кстати сказать, подобные подземные толчки случались в Москве и раньше как резонанс сильных землетрясений, например, того, которое произошло несколько лет назад в Скопле (Югославия).

Сегодня утром сейсмическая станция «Москва» не зафиксировала каких-либо толчков.

Короткая заметка, о которой говорил весь город, была подготовлена отделом информации. По строгому, ведомственному счету надлежало ей родиться в недрах отдела науки и вузов: сведения-то получены в институте Академии наук СССР. Однако впереди оказался репортер отдела информации. Газете, ее читателям – несомненно польза, работникам научного отдела – урок на будущее.

В отделе информации репортерские способности, возможности журналистов раскрываются с наибольшей полнотой, что не мешает им выступать с корреспонденциями, проблемными статьями. А в освещении некоторых областей городской жизни – работа метрополитена и сооружение его новых линий, работа городской телефонной сети, почты, охрана, реставрация памятников архитектуры и т. д. – отдел информации занимает монопольное положение. Правда, жанровые пристрастия дают о себе знать, информационно-репортерский подход к этим темам преобладает. Положение легко можно было бы исправить, передав, скажем, метрополитен и Метрострой в их родное «ведомство» – отдел городского хозяйства, строительства и быта. Только стоит ли? Репортер отдела информации досконально изучил круг вопросов, о которых пишет, свел знакомство со специалистами, его работа удовлетворяет читателей.

Когда возникнет необходимость подготовить крупный материал не информационно-репортажного плана и репортер почувствует, что нужна творческая помощь, за ней далеко ходить не надо – ее окажут от чистого сердца и незамедлительно работники того же отдела городского хозяйства, строительства и быта или любого другого отдела. Таким образом, повторяю, стоит ли в угоду ведомственности ущемлять интересы репортера отдела информации? За симпатиями и антипатиями газетчика к жанрам, темам, за его профессиональными привязанностями стоят годы, десятилетия работы и жизни – их не сбросишь со счетов.

Бывает наоборот: не лежит у кого-то сердце писать информации. Но что поделаешь – в условиях вечерней, т. е. информационной, газеты приходится выступать и в качестве хроникера, если не берутся выручить товарищи по отделу, где тоже, как и в редакции, существует свое разделение труда. Есть такое разделение или нет его, но на планерках, проводимых редколлегией, руководители всех отделов – именно всех, а не только информационного – обязаны заявить темы, адреса предполагаемых заметок. Если к 10 часам 30 минутам – началу планерки (она обсуждает завтрашний номер) – у заведующего заявка еще не сложилась, он не просто говорит: «Ничего нет», а говорит: «Пока нет» или «Ищем». Это не расхожая отговорка: большей частью «долги оплачиваются».

Если хороших заметок оказалось больше, чем планировалось накануне, это радует, хотя усложняет работу секретариата, редактора: в день выхода газеты приходится снимать какой-либо крупный материал, чтобы освободить место для заметок. Жесткий график, рассчитанный по минутам, неумолим, темп работы возрастает, и все ради нескольких строчек, которые «Вечерняя Москва» хочет дать первой. На следующий номер их не отложишь, потому что утром подобная информация, если она действительно стоящая, наверняка

появится в других газетах. Волей-неволей приходится придерживаться правила «Сегодня или никогда».

Хорошо, когда обстоятельства позволяют дать читателю побольше сведений о предстоящем событии. Можно, например, посетить еще не открывшуюся, готовую к открытию вечером выставку, побеседовать с ее устроителями, узнать факты, цифры, и вот анонсная заметка появляется на полосе. Не беда, что следующим утром газеты напишут о выставке подробнее, но «Вечерняя Москва» была первой, и это радует.

Газетная оперативность нужна не ради оперативности, как и сама информация нужна не ради сохранения привычного читателю лица «Вечерки» и заполнения ее заметками по принципу «чем больше, тем лучше». Правила отбора информации хорошо известны в редакции, и если чья-то заметка осталась за бортом, то причина не в недостатке места на полосе. В основе хорошей информации должны лежать значительный факт, событие, новое, типичное явление жизни. Нет такого факта, события – не может быть информации. Это обязывает подбирать материал интересный, злободневный, а не беспристрастно писать обо всем понемногу.

Небольшой размер заметки не дает оснований для скидок в отношении композиции, языка изложения и уж во всяком случае никак не оправдывает литературных огрехов. Скорее наоборот: нужно обладать немалым профессиональным опытом и мастерством, чтобы в короткие строки вложить многое, сделать их убедительными, эмоционально насыщенными. То, к чему автор статьи, корреспонденции, очерка приходит исподволь, следуя логике рассуждений, протягивая череду фактов, в заметке-миниатюре надо добиваться сразу, нередко в двух-трех абзацах. Только в этом случае она займет полноправное положение среди остальных материалов.

Наш подход к информации вытекает из особенностей вечерней газеты, приходящей к людям после трудового дня и предназначенной для читателей разных возрастов и профессий, для семейного чтения. Говорить коротко, просто даже о сложном – к этому стремятся в «Вечерней Москве» – это отвечает интересам читателей. Информационный жанр не терпит многословия, дает большие возможности рационально, экономно расходовать дефицитную площадь газетной полосы.

Увеличение потока сведений, обрушивающихся на человека, повышает цену краткости, цену времени, затрачиваемого на получение новых данных. Чем больше фактов сообщает газета, чем непримиримее относится к многословию, пережевыванию известных истин, тем выше ее агитационное, пропагандистское значение, воспитательная роль.

Первая страница газеты отводится самым значительным фактам из жизни столицы. Крупные заголовки, подзаголовки сразу приковывают внимание к важнейшим сообщениям ТАСС, наших корреспондентов.

Специфика вечерней газеты такова, что большинство важнейших событий внутренней и международной жизни находит свое отражение в утренних изданиях, а затем уж на ее страницах. Но «Вечерка» первой публикует отклики на эти события. Они становятся главным материалом номера. В 50–60 строках москвичи не только говорят о событии дня, высказывают свои чувства, но и делятся мыслями о повседневной работе, связывают ее с теми задачами, которые стоят перед коллективом бригады, предприятия, города, всей страны. В одном номере присутствуют, как правило, заметки представителей всех слоев населения. Оправдала себя практика публикации коллективных откликов, например подписанных всей рабочей бригадой.

Первая страница – это страница новостей. Меняются формы подачи материалов (некогда клишированное слово «сегодня» предваряло каждую информацию, группировались такие заметки блоком и вокруг большой плашки с тем же словом), меняется подход к верстке, оформлению, но суть остается – читателю нужно сказать, что произошло и происходит в его

родном городе в этот конкретный день. Без свежих, сегодняшних новостей вечерняя газета, на наш взгляд, теряет смысл. Кстати, и крупные материалы – корреспонденции, репортажи, интервью, помещенные на первой полосе, как правило, пишутся на материалах сегодняшнего дня. Есть в газете рубрика «Утренний репортаж»; по размерам невелик, близок к развернутой заметке, но в нем ощутимо авторское «присутствие». Даже колонка писем, публикуемых время от времени на странице, носит рубрику «Из утренней почты». Обязательна для этой же страницы подборка «Утренние газеты публикуют», где коротко излагаются некоторые материалы «Правды», других утренних изданий, появившиеся в день выхода «Вечерней Москвы».

Свежая зарубежная информация ТАСС объединяется под постоянной рубрикой «Голос планеты».

Своих корреспондентов, точнее, штатных собственных корреспондентов «Вечерняя Москва» в других странах не имеет. Но мы не ограничиваемся публикацией зарубежных материалов ТАСС и АПН. Когда в Москве проходят Дни столиц социалистических стран, нашими коллективными корреспондентами становятся редакции вечерних газет этих столиц. Творческая дружба складывалась годами, обогащалась новыми формами, помогала улучшать информированность читателей.

Как-то на планерке отдел информации заявил в словах заметку, вызвавшую недоуменные вопросы, возражения:

– Нет, это не первополосный факт.

– Сначала прочитайте, потом отклоняйте, – резонно возразил заведующий отделом информации.

На том и порешили. Информация «Таксомотор № 1» увидела свет на первой полосе, имея на это неоспоримое право. Она начиналась так:

«Многие москвичи стали сегодня свидетелями необычного рейса: по улицам города шел первый советский автомобиль столичного такси…»

Репортер знал, что работники управления Мосавтолегтранс давно искали этот автомобиль, нашли его в Саратовской области, привезли и отремонтировали. Наконец настал день, когда обновленный ГАЗ-А 1935 г. рождения должен был выйти на улицу. Репортер готовился к событию, отыскал и пригласил совершить первый рейс на машине одного из старейших столичных таксистов, когда-то работавшего на ГАЗ-А. В материале приводилось несколько цифр, характеризующих нынешний московский таксомоторный парк, рассказывалось о предстоящем его полувековом юбилее и параде представителей всех поколений машин в честь памятной даты, о музее в таксомоторном парке, где ветеран останется после парада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.